

В. П. ВОРОШИЛОВА, В. В. ТРЕТЬЯКОВА, Г. Г. УСОВА

Свердловск

Н. П. ЗУБОВА

Н. Тагил

НОВЫЕ ЗАПИСИ ПЕСЕН В ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕГО УРАЛА¹

1

Песни составляют значительную часть народного поэтического богатства нашего времени, они широко бытуют в самых различных районах Урала. Но, как и во всяком процессе, в народном песнетворчестве происходят постоянные изменения. Уловить эти изменения, объяснить их, чтобы вскрылись закономерности жизни народного искусства, — подобную задачу всегда ставят перед собой фольклористы-собиратели. Авторы этих строк в составе фольклорной экспедиции Уральского университета им. А. М. Горького собирали народные песни в разных, преимущественно промышленных, районах Урала, некоторые наши наблюдения и полевые записи мы и предлагаем в виде этой публикации. Многожанровость современного народного песнетворчества обусловила характер нашей публикации: мы обращаемся не только к лирической, но и к исторической песне, романсу, балладе.

Наши полевые записи часто предоставляют возможность сравнить песню в ее нынешнем виде с прежним, скажем, существовавшим 70—100 лет назад; иногда мы, имея старые записи, специально разыскивали во время фольклорных экспедиций ту или иную песню. Например, зная песни, которые И. Я. Стяжкин² в конце XIX—начале XX в. записывал в пос. Каменского завода (современный г. Каменск-Уральский) и соседних населенных пунктах, мы организовали их поиск в тех же местах в 1971 и 1972 гг. Были найдены весьма любопытные варианты.

Исследование этого материала показало, что в процессе длительного бытования у песни могут быть композиционно-стилевые изменения при сохранении содержания, но могут быть и существенные переосмысления, происходящие большей частью при пе-

¹ Первая часть работы выполнена В. П. Ворошиловой, В. В. Третьяковой, Г. Г. Усовой, вторая — Н. П. Зубовой.

² ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 756. Упомянутые далее записи И. Я. Стяжкина хранятся в этом архиве.

переходе песни из одной социальной среды в другую. Рассмотрим это на примерах.

Любовная песня «Вечор к вечеру мил шатился ко двору», записанная И. Я. Стяжкиным³, имеет следующий сюжет: девушка видит спешащего к ней парня, ведет его в зелен сад и рассказывает, что прежде любила бравого Ваню, который «служил» в Томске на ярмарке; молодец стал ходить к девушке, приносил чай, водку; о девушке пошла «худая слава», стремясь уйти от такой славы и стыда, «девка просит жениха, себе старого старика». В первом варианте из сборника В. П. Бирюкова⁴ герой—приказчик у Злоказова, крупного уральского торговца мукой. Этот вариант близок к записи И. Я. Стяжкина по идейному содержанию, но поведение героини не диктуется соображениями материального расчета. Во втором варианте из сборника В. П. Бирюкова⁵ герой — рабочий на заводе и даже участник революционной борьбы; полюбив его, девушка «по улице стала ходить, знамя красное носить»; действие прикреплено к рабочей среде, к Невьянску. Наконец, в третьем варианте из того же сборника герой превратился в комиссара:

Я любила комиссара,
Не простого,
Эх, парня бравого
Да удалого.
Во Чердыни парень жил,
В артиллерии служил,
Ах, ко мне приходил
И мне книжки приносил.
Покуль книжки не брала,
Непросветная была...⁶

В вариантах этой песни, записанной В. В. Третьяковой в 1972 г. (№ 2—4), появление нового героя («командир молодой», «офицер молодой») не приводит к изменению сюжетной ситуации и старого смысла песни. Таким образом, в городской среде песня оказывается более подверженной изменениям.

Песня «Я ночешную ночь не сыпала» в записях И. Я. Стяжкина имеет пометку «старинная». Сюжет ее: девушка не может спать, дождавшись милого друга, рассказывает о трех «горичках»: «кровать нова», «нет милого», «запросватана за невежу»; героиня хочет замуж за «милого дружка» (№ 5).

Первый и второй варианты нашего времени (№ 6, 7) обрываются на рассказе девушки о своем втором горе: «нет милого». Любовь здесь не отрада, а терзание. Третий вариант (№ 8) отличает

³ Далее в тексте указывается порядковый номер песни в подборке настоящей статьи.

⁴ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, с. 295 (далее — Бирюков I).

⁵ Там же, с. 285.

⁶ Там же.

ся эмоциональной цельностью и законченностью (рассказано об ожидании любимого и радостной встрече с ним), в финале нет рассказа о невзгодах. В четвертом варианте (№ 9) сюжет выпрямлен: у девушки одно горе — она засватана за нелюбимого, с которым не хочет жить. Пятый вариант (№ 10) близок к четвертому, зато последний, шестой (№ 11), выразительнее всех, в том числе и того, что был зафиксирован Стяжкиным. Время сохранило старинную лирическую песню.

Ни в одном населенном пункте Среднего Урала не удалось записать столько хорошо сохранившихся старинных рекрутских и солдатских песен, как в г. Верхотурье. Здесь раньше шли рекрутские наборы. «...Рекрутов много собиралось. Приезжали с родителями, на лошадях. Когда рекрутский набор, то городская управа ходила по домам и писала мелом на воротах цифры. Сколько напишут, столько должен пустить на квартиру человек. С месяц продолжался этот набор»⁷. Видимо, во время рекрутских наборов была завезена в Верхотурье нижнесалдинская песня о рекрутах-«невольничках» (№ 12). Очень выразительна солдатская песня «Не кокуй, моя кокушечка» (№ 13). Мужчины, участники первой мировой войны, помнят солдатские строевые, походные, окопные песни тех времен, начиная от общеизвестной «Пишет, пишет царь германский» и кончая редкой «Ах ты бедный, несчастный солдатик» с налетом мещанского мелодраматизма.

На Урале устойчиво бытует баллада «Ванька-ключник и князь Волконский» (№ 14), представляющая народную обработку литературного варианта баллады-стихотворения В. В. Крестовского «Ванька-ключник»⁸. Стихотворение народными песенниками было сокращено (не вошло описание истязаний ключника, его внешности после пыток), некоторые варианты умалчивают о смерти ключника и княгини, или говорится не о самоубийстве княгини, а о ее казни — такие концовки меняют тему баллады: вместо темы социального неравенства звучит тема супружеской неверности. Меняется и название баллады, исполнители называют ее часто «Ягода-малина» или «Ванька-ключник, злой разлучник».

Широко бытуют также колыбельные песни. Правда, заклинательных колыбельных песен, в которых мать как бы накликает смерть ребенку, пытаясь обмануть злые силы, сравнительно немного. Например, в г. Верхотурье был записан такой вариант:

Спи, младенец,
Баю-баю.
Ямка готова,
Доски выстругены,
Кони впряжены...⁹

⁷ Записано В. Ворошиловой в г. Верхотурье в 1971 г. от А. Ф. Маракулиной, 75 лет.

⁸ Песни русских поэтов. Л., 1957, с. 361—362.

⁹ Записано В. Ворошиловой в июле 1971 г. от М. Т. Савинцевой, 55 лет.

✓ Популярны песни, рассказывающие о различных трудовых занятиях членов семьи:

Зыбаю-позыбаю,
Отец ушел за рыбою,
Мать ушла пеленки мыть,
Дедушка — дрова рубить,
Бабушка—уху варить,
Витюшку кормить
Да и спать уложить.
Спать—не писать,
Только глазыньки зажать¹⁰. ✓ 1

В современных колыбельных песнях сохраняются традиционные образы голубей, символизирующих мир, спокойствие, добро, образы Буки (Буканушки), кота, которому разрешают убаюкивать чужих детей и т. д. (№ 15). ✓ 2.

* *
*

№ 1

Как в вечерошном вечеру
Мил тащился ко двору,
Рученькой махнул,
Сам кудрями тряхнул.
Я увидела милого,
Вышла, встретила: «Здорово!».
За руку взяла
Да в зеленый сад пошла.
Зелен садик под горою,
Под сосенкой зеленою,
Под рябиною
Да под кудрявою.
Вечер в садичке гуляла,
Всю я тайну дружку рассказала:
С кем я преж жила,
Кого любила!
Я любила не простого —
Да Ваню braveго
Да раскудрявого.
Ваня в Томском был,
Да в красной ярмарке служил.
В красной ярмарке служил,
Все ко мне ходил,

¹⁰ Записано Н. Филоксиновой, И. Логиновой в г. Верхотурье в июле 1969 г. от Д. С. Заплатиной, 75 лет.

Чай, водку носил.
Чай-от, водку не пила,
Худой славой не слыла,
Слыла девицей, слыла красною
Да постоянною.
Стала чай-от, водку пить,
Стала славой худой слыть.
Как со этого стыда
Девка просит жениха
Себе старого старика
В девяносто лет (2 раза).
Во рту зубов нет.
Хоть бы татарина с бородой,
Да лишь бы денежки с собой.
Тот красавчик мой
Да разудюленный,
Сопли тянутся до нижней губы,
Целоваться с ним не буду,
Лишь бы денег дал
И только посулил.

Записано И. Я. Стяжким.

№ 2

Вечор, вечер к вечеру
Мил тащился ко двору.
Рученькой махнул,
Сам кудрями тряхнул.
Я увидела милого,
Вышла, встретила: «Здорово!».
За руку брала,
В зелен сад вела.
Зелен сад под горой,
Под сосенкой муравой,
Под зеленою, под кудрявою.
Стой, сосенка, не шатайся,
Стой, кудрява, не ломайся,
Под тобой сижу, речи говорю.
Речи, речи не простые —
Дружку тайное объясняю:
С кем прежде жила,
Кого любила.
Я любила не простого,
Командира молодого,
Парня бравого, разудалого.
Парень в городе жил,
Командиром служил,
Все ко мне ходил,

Чай, водку носил.
Пока водку не пила,
Худа слава не была.
Стала водку пить —
Худа слава быть.
Когда все люди узнали,
Родной мамоньке сказали.
Мамонька бранит,
А я бога молить:
— Дай мне, боже, жениха
Хоть седого старика,
Девяносто лет,
В роте зубов нет,
Борода с помело,
Усы в рот повело —
Это мой жених,
Мамонька моя.

Записано В. В. Третьяковой в ноябре 1971 г. в Белоярском р-не, д. Гилево от Н. Н. Павловой, 67 лет.

№ 3

Вечор, вечер к вечеру
Мил шатился ко двору.
Рученькой махнул,
Сам кудрями тряхнул.
Вышла, встретила: «Здорово!».
За руку брала
Да в зелен сад вела,
Зелен сад под горой
Да под сосенкой молодой,
Под кудрявою да под зеленою.
Стой, сосенка, не ломайся,
Стой, кудрява, не шатайся.
Под тобой сижу
Да речи говорю.
Речи, речи говорила,
Дружку тайность объяснила:
Кого любила
Да с кем я преж жила.
Я любила не простого,
Офицера молодого,
Парня бравого да разудалого.
Парень в Томском жил
Да в Красноярском служил.
Все ко мне ходил
И водочку носил.
Научилась водку пить,

Раскудряшкой стала слыть
По всему селу, да по веселому.
Про то все люди узнали,
Моей мамоньке «сказали».
Стала мама бить —
К разуму учить.

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Квашинском от Л. Ф. Соловьевой, 57 лет.

№ 4

Как вечер на вечеру
Мил тащился ко двору,
Рученькой махнул (2 раза),
Сам кудрями тряхнул.
Я завидела милого,
Вышла, встретила: «Здорово!».
За руку взяла,
В зелен сад повела.
Зелен сад под горой,
Под сосенкой муравой,
Под сосенкой, под рябиною.
Где со миленьким гуляла,
Всю я тайну рассказала:
С кем я гуляла.
Я любила не простого,
Возниковца¹¹ молодого,
Парня, бравого,
Бравого, раскудрявого.
Парень в Омском жил,
В Красноярске служил,
Все ко мне ходил,
Все ко мне носил.
Он носил ко мне немало:
Я поставлю праву ручку,
Он насыплет денег кучку.
Всю правду скажу,
Нисколько не утаю:
Сопли, сопли через губу —
Целовать его не буду,
Хоть бы денег дал,
Браво посулил.

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Галкине от Т. Д. Алферовой, 54 лет.

¹¹ Возниковец — мещанин.

№ 5

Я ночешную ночь не сыпала,
У тесовой кровати простояла,
Я милого дружка дождалась,
Я насилу его дождалась,
Я не ласточкой к нему бросалась,
Не касатою на шею обвивалась.
Я из горницы в горницу ходила,
Во кармашки белы рученьки спускала,
От комода ключи доставала,
Коей боле бокал—наливала;
Я любимому дружку подносила:
— Уж ты пей-ка, мой милый друг Ванюшка!
На меня, на красну девку, не надейся.
У меня, у красной девки, много горя,
Много горичка великого:
Перво горичко — кровать нова,
Друго горичко — нет милого,
Третье горичко — напоена,
Напоена, напоена, сговорена.
Сговорила меня мамонька замуж
За такого, за сякого, за невежу.
За невежею я жить не буду,
Жить не буду, жить не буду —
Плакать буду.
Я пойду же, молода, за другого,
Я за милого за своего,
Да я за Ванюшку вдовиного.
С тем я Ванюшкой жить буду,
Я милого дружка поцелую.

Записано И. Я. Стяжкиным.

№ 6

Я ночешную ночку не сыпала,
У тесовой я кровати простояла,
Я своего любезного в гости ждала,
Я насилу его да дождалась,
Я не ласточкой да совилась,
Не касатой на шеюшку взвесилась.
Я из горницы в горницу ходила,
Я из новой во новую гуляла.
Ко комодичку близко подходила,
Из комодичку графинчик доставала,
Я своему любезному подавала:

— Кушай, кушай, мой милый, не стесняйся,
На меня, на красавицу, не надейся,
У меня, у красавицы, много горя,
Много горя да великого:
Перво горюшко—кровать нова,
Второ горюшко — нет милого.

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Квашнинском от участниц художественной самодеятельности.

№ 7

Я ночешную ночь не сыпала,
У тесовой я кровати простояла.
Я из горницы в горницу ходила,
Я из новой во новую гуляла,
Я своего любезного дождалась,
Я насилу его дождалась,
Я не ласточкой совилася,
На шеюшку бросилася.
Ко комодчику близко подходила,
Из комодчика графин я доставала,
Я своему любезному наливала:
— Ты искушай, ты искушай, друг любезный,
На меня, на красавицу, не надейся,
У меня, у красавицы, да много горя,
Много горя да великого:
Перво горюшко—кровать нова,
Второ горюшко — нет милого.

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Квашнинском от Н. Т. Бессоновой, 66 лет.

№ 8

Ой, я ночешную ночь не сыпала,*
Ох, у тесовой кровати простояла,
Дружка милого в гости ожидала,
Ох, я насилу его да дождалася,
Уж я ласточкой круг шейки обвилася.
Ой, да ко комодичку я добралася,
Графин с водкой доставала,
Ой, стакан водки милу наливала,
Ой, дружку милу подавала:
— Ой, кушай, милый да ненаглядный!

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Квашнинском от Е. А. Спиридоновой, 66 лет. * Каждая строка повторяется
два раза.

№ 9

Я ночешную ночку не сыпала,
У тесовой кровати простояла.
Я из горницы в горницу ходила,
Я из новой во новую гуляла,
Я своего любезного поджидала.
Ко комодчику близко подходила,
Из комодчику графинчик вынимала,
Из графинчика стакашек наливала,
Я своему любезному подавала:
— Кушай, миленький, да не стесняйся,
А на меня, на красавицу, не надейся,
У меня, у красавицы, много горя:
Перво горюшко — запоена,
Запоена, задарена, сговорена.
Запросватал меня тятенька замуж.
За такого да сякого, за невежу.
За невежею да жить не буду.
Жить не стану — перестану.

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Квашнинском от О. В. Михеевой, 65 лет.

№ 10

Я ночешную ночку не сыпала,
Ой, у тесовой я кровати простояла,
Я своего любезного дождалася,
Ой, я на силу его дождалася,
На шеюшку дружочку взвесилася.
— Где ты, миленький, заходилсся,
Где, хорошенький, загулялсся?
Я из горницы в горницу ходила,
Я из новой во новую гуляла.
Ко комодчику близко подходила,
Из комоду графин я доставала,
Я своему любезному подавала:
— Пей-ка, мой мил, не стесняйся,
На меня, на красавицу, не надейся,
У меня, у красавицы, много горя,
Много горюшка великого:
Запросватал меня тятенька замуж
За такого, за сякого, за невежу,
Со невеженькой жить я не буду.

Записано В. В. Третьяковой в феврале 1972 г. в Камышловском р-не,
с. Квашнинском от Ф. Ф. Кузиковой, 73 лет.

№ 11

Я сегодняшнюю ночку не съпала,
Ой, да у тесовой кровати простояла,
Я не гостя ждала да дожидалась,
Я не гостя ждала дорогого —
Старопрежнего дружка милого.
Я насили его да дождалась,
Я не ласточкой на шейку взвилася,
Да не касаточкой бросилася.
Я из горницы в горницу ходила,
Я из новой в новую гуляла,
Из комодичку графинчик вынимала,
Сладкой водочки стаканчик наливала:
— Ты испей-ка, искушай, друг любезный,
На меня, на красну девушку, не надейся,
У меня, у красной девушки, много горя,
Много горюшка великого:
Перво горюшко—кровать нова,
А второ горюшко—без милого,
Запросватал меня тятенька замуж,
Запоручила мамонька родима
За такого, за сякого, за невежу.
Не невежей девушке владати,
Не его, срамца, уважати,
Уважать бы, целовать кого иного —
Старопрежнего дружка милого,
Я которого во девушках любила,
Золотым его колечушком дарила,
В лицо молодца признавала
Да в уста молодца целовала.

Записано В. В. Третьяковой в июле 1970 г. в Камышловском р-не,
с. Кочневе от А. А. Калугиной, 82 лет.

№ 12

Проторенная дороженька,
Ох, проведенные солдатики.
Их немножко, немалешенько:
Ох, три палочки, три шири —
Три шириночки широки.
Поперед идут охотнички,
Позади идут невольнички,
Во середине барабанщики.
В барабан зараз ударили,
Охотнички песню грянули,
Невольнички скупко сплакали,
Ох, свою родину вспомянули.

Сторона ли ты, сторонушка,
Нижнесалдинская слободушка,
Не бывать нам на сторонушке,
Ох, не видать нам отца с матерью.

Записано В. Ворошиловой, Н. Тягуновой, Н. Величко в июле 1969 г. в г. Верхотурье от А. И. Собениной, 79 лет.

№ 13

Не кокуй, моя кокушечка,
Не кокуй, моя рябая,
Во сыром-то во борочке,
На сухом-то на пруточке.
Отчего солдату бедно,
Почему бедняжке трудно?
Зимой частые погоды —
Все крещенские морозы.
Во сапожках ноги зябнут,
От ружейцев ручки щиплет.
Через двадцать пять годочков
Прилечу я соколочком.

Записано В. Ворошиловой, Н. Журавлевой, Н. Львовой в июле 1969 г. в г. Верхотурье от Е. Н. Веприковой, 80 лет.

№ 14

В саду ягода-малина
Под закрытием росла,
А княгиня молодая
В саду в тереме жила.
А у князя был случайно
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню
Он не золотом, не кольцом,
Он дарил, дарил княгиню
Своим ласковым словом.
А княгиня к нему льнула,
Как рубашка ко плечу,
Целовала-миловала,
На постельку спать звала.
Князь дознался, догадался,
Посадил жену в тюрьму,
Ах, вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы подите привезите
Ваньку-ключника ко мне.

Ты скажи-ка, сын ты бранный,
Ванька-ключник молодой,
Как гулял ты в нашей спальне
С нашей княжеской женой?
Вот повесили Ванюшу
На шелковом поясу,
А княгиню молодую
На ремennom на кнуту.

Записано В. Полухиной и Л. Кулаевой в г. Полевском в июле 1967 г. от М. И. Теткиной, 69 лет.

№ 15

Кошка в лукошке
Ширинку шьет,
Кот на печи
Сухари толчет.
Он сухари толоч
Да копеечку нашел,
Сам на рынок пошел,
Да и крупку купил,
Да и кашку сварил.
Кашку сварил,
Да Андрюшку накормил,
Да и спать уложил.
Спи-ко, Андрюша,
Спи-ко, милый сын.

Записано В. Ворошиловой в июле 1969 г. в г. Верхотурье от Д. С. Заплатиной, 75 лет.

2

Ряд текстов, публикуемых в данном сборнике, записан в пос. Висим Пригородного р-на Свердловской обл. во время летней фольклорной экспедиции студентов факультета русского языка и литературы Нижнетагильского пединститута в 1976 г. Другие песни были записаны студентами в 1974—1976 гг. по месту жительства.

Отобранные тексты различаются по жанру: это песни сатирические и шуточные, любовные и рекрутские, песни фабричных рабочих и ссыльных. В то же время они имеют сходные черты: изображают жизнь рабочих и крестьян до революции, многие из них исполнены социального протеста, во многих показано, как социальное и имущественное неравенство приводит к личным трагедиям. Некоторые песни содержат едкую насмешку над богатеями и их прислужниками, барами и попами, купцами и зажиточными мешаннами, над полицейскими. Лишь один из публикуемых текстов—

бодрого, оптимистического звучания — создан в советский период.

Четыре песни исторического характера отражают крупнейшие события отечественной истории, начиная от взятия Казани в XVI в. («Соловей кукушку уговаривал») до гражданской войны («Отец мой был природный пахарь»). Названные две песни, а также «Шумел, горел пожар московский» очень часто записываются студентами, прочно держатся в современном народном репертуаре.

* *
*

1. Уж ты доля, моя доля,
Доля горькая моя.
Ах, зачем ты, злая доля,
До Сибири довела.

Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой
Стороны своей лишился —
За крестьянский мир честной.

Год холодный, год голодный...
Стали подати собирать
И последнюю скотинку
За бесценюк отдавать.

Записано А. С. Заостровных 8 декабря 1974 г. в г. Невьянске от Е. С. Четверкиной, 66 лет.

Песня представляет собой неоконченный текст литературного происхождения (автор Д. А. Клеменц).

2. По реченьке быстрой
Становой едет пристав.
Ах, горюшко, горе,
Становой едет пристав.

Урядник в тулупе
За ними же лупит,
Ах, горюшко, горе,
За ними же лупит.

Два сотских в тулупах
За ними же лупят,
Ах, горюшко, горе,
За ними же лупят.

Ой, старосты дочку
Становому на ночку,
Ах, горюшко, горе,
Становому на ночку.

Ох, тетка Маланья
По двору ходит,
Ох, по двору ходит,
Руками разводит.

Записано Т. Лавровой, В. Березиной, И. Хайруллиной в июне 1976 г. в пос. Висим от Е. Ф. Ольховиковой, 78 лет.

Варианты: Бирюков 1, № 9, с. 301 и В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953 (далее—Бирюков 2), с. 225—имеют в себе указание на цель поездки станového: «по делу, по мертвому телу».

Бирюков 2, с. 224 отличается тем же, а также более резкими выпадами в адрес «воров и грабителей».

Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949 (далее — Китайник), № 53, с. 74—75. Как и тексты Бирюков 1 и Бирюков 2, содержит указание на «дело», по которому едет становой. Вар. Китайника перечисляет конкретно поборы «страшного вора и грабителя».

Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1967. Сост. В. П. Кругляшова (далее — Кругляшова), № 120, с. 157, близкий.

3. Ой, вы скажите, ой, ради бога,
Да где железная дорога.
Ой, где железная дорога,
Да она строилась три года.
Ой, уж как строилась три года
Да шириною в два аршина,
Да по ней бегают машина
Ой, по ней бегают машина.
Да не сама машина ходит.
Ох, не сама машина ходит,
Да паровоз машину водит.
Ой, уж как первая машина,
Да провожает отец сына.
Ой, что вторая, ой, паровая, } 2 раза
Да провожает мать родная. }
Ой, уж как третья, ой, пассажирка, } 2 раза
Да провожает меня милка. }
Ой, что четверта, ой, с колесами, } 2 раза
Да провожает со слезами. }
Ой, ты машина, да друг за другом, } 2 раза
Да расстаюсь я с милым другом. }
Ой, протяну я, ой, ленту алу,
Да до тагильского вокзалу.

Записано Т. Лавровой, В. Березиной, И. Хайруллиной в июне 1976 г. в пос. Висим от Е. Ф. Ольховиковой, 78 лет, К. А. Лазаревой, 73 лет, М. Ф. Павловой, 60 лет.

Эта песня неоднократно записывалась студентами в Висиме и Черноисточинске.

Вар.: Бирюков 1, № 42, с. 97 отличается основным мотивом: «Мил садился, удивился, что за лошадь, что за конь». — Там же, № 43, с. 98 упрек делается машинисту: «милого увез».

Бирюков 2, с. 87 рассказывает об отъезде «во солдаты» парня, «схапанного управителем». Отъезжающий от страха «чуть не помер». Железная дорога названа в вар. Бирюкова 2 «демидовской». Подобные мотивы и точные указания — «во солдаты», «демидовска» — отсутствуют в публикуемом варианте; Кругляшова, № 102, с. 148—149, близкий.

4. На фабрике была парочка,
Он был слесарь, рабочий простой,
А она была пролетарочка,
Всем известна своей красотой.
Пролетарочка черноокая,
Ты мой первый весенний цветок,
Жисть моя одинокая,
Дай тебя поцелую разок.
Первый раз они повстречались,
Он стоял перед ней, как шальной,
А она ему улыбалась
И сказала: «Ишь, бойкий какой!».
Второй раз они повстречались
В том саду, где поет соловей.
Обнимались, целовались,
Он сказал, что ты будешь моей.
Раз работал он за машиною
И сказал: «Ничего, потерплю.
Заработаю два с полтиною
И платок пролетарке куплю».
Но недолго так продолжалось,
Видно, участь была такова—
Молодая жисть ее кончилась,
Под машину попала она.
Прибежал он к ней и упал на грудь,
А она — как помятый цветок,
Целовал ее губы алые,
Целовал ее алый платок.
— Ох, машинушка, ты жестокая,
Пролетарку взяла у меня.
Ох ты, жисть моя одинокая,
Не увижу я больше тебя.

Записано Л. Лаптевой в ноябре 1974 г. в с. Фоминском Алапаевского р-на Свердловской обл. от Е. П. Лаптевой, 53 лет. Песню знала еще в юности, «привезла» ее из Калининской обл.

5. Какие нынче годы, какие времена!
Семнадцать лет девчонке — и та уж влюблена.
Любила дружка страстно—и он ее любил.
Любовь была напрасна—он скоро изменил.
Счастливы вы, подруги! Вам счастье, а мне нет.
Не лучше ли, подруги, живой в могилу лечь.
Жива в могилу лягу, все скажут—померла.
Нейдет мой ненаглядный, пойду к нему сама.
Иду, а ветер дует. Едва на свет гляжу,
Сердечко так и ноет, чем ближе подхожу.
Я ближе подходила к парадному крыльцу
И кнопку нажала — звонок дала ему.
Служанка выходила, мне руку подала,
С насмешливой улыбкой по комнате вела.
Все комнаты открыты — одна лишь заперта.
Вдруг двери отворились, я вижу перед собой,
Что друг мой ненаглядный ласкается с другой.
Подруга ты, подруга, соперница моя,
Люби моего друга, как любила я.
Но только не вверяйся — обманет он тебя,
Обманет и разлюбит, оставит, как меня.

Записано Л. Шапенковой в январе 1975 г. в г. Н. Тагиле от М. Д. Кудрявцевой, 81 года.

Этот текст очень часто записывается студентами, варианты почти не отличаются. В некоторых записях встречается более резкая концовка:

Тут я не стерпела,
Сказала слова два,
Сказала: «Не влюбляйся,
Разлюбит он тебя!».

Записано В. Кучеровой в декабре 1974 г. в г. В. Салде от М. С. Вахрамеевой, 74 лет.

6. Была тихая погода,
Мы гуляли при луне.
Расхорошенький мальчишка
Стал ухаживать за мной.
Говорил все про житейство,
А потом все про любовь.
Я все слушала, молчала
И все дальше, дальше шла.
В незнакомую аллею
Я не помню, как зашла.
Мил, упавши на колени,
И сказал: «Люблю тебя!».
— Взглянь-ка, миленький, на небо,

На небе светится луна.
 Если люди нас увидят,
 То нам чистая беда.
 — Что нам люди,
 Что нам луны,
 Когда мы с тобой вдвоем.
 На четвертую неделю
 Мать придано собрала,
 За помещика седого
 Дочку замуж отдала.
 Я помещика седого
 Даже видеть не могла.
 Я мальчишку молодому
 Душу, сердце отдала.

Записано Л. Г. Храповой в 1974 г. в г. Кушве от А. В. Воробьевой, 60 лет.

7. Гуляет молодец,
 Спрашивает мамонька:
 «Что ты запечалился,
 Что гуляшь невесело,
 Повесил головушку
 На правую сторонушку?».
 — Мамонька, мамонька,
 Что мне веселится,
 Я хочу жениться.
 — Женись, женись, дитяtko,
 Возьми дочь мещанскую.
 — Мамонька, мамонька,
 Дочь мещанская в доме не заменушка,
 В поле не работница.
 — Возьми, возьми, дитяtko,
 Возьми дочь крестьянскую.
 — Возьму, возьму, мамонька,
 Возьму дочь крестьянскую.
 Доченька крестьянская
 В поле-то работница,
 В доме-то заменушка.

Записано О. А. Нечасвой в ноябре 1974 г. в г. Качканаре от Н. К. Нечасвой, 75 лет.

8. — Родимый ты мой батюшка,
 Жениться я хочу.
 — Не шутишь ли, мой Ванюшка? } 2 раза
 — Ей-богу, не шучу.
 • Родимый ты мой батюшка,
 Горит моя душа,
 Акулька — девка славная, } 2 раза
 Ей-богу, хороша.

— Родимый ты мой Ванюшка,
 Она очень бедна.
 Одна икона Спасова — } 2 раза
 Придано у нея.
 Родимый ты мой Ванюшка,
 У мельника есть дочь,
 А за тебя, бездельника, } 2 раза
 Отдать ее не прочь.
 Она хотя горбатая
 И еле шла в угор,
 Но, а зато богатая, } 2 раза
 Придана полон двор.
 Коровушки, лошадушки,
 Есть несколько овец.
 А будешь жить, мой Ванюшка, } 2 раза
 Богатый, как купец.
 — Родимый ты мой батюшка,
 Я в речке утоплюсь,
 А на горбатой я на ней
 Сроду не женюсь.

Записано Т. Лавровой, В. Березиной, И. Хайрулиной в июне 1976 г. в пос. Висим от Н. Н. Ляпцевой, 66 лет, А. Я. Поповой, 76 лет, А. Ф. Мякишевой, 68 лет, А. И. Сторожевой, 74 лет.

Песня была исполнена с большим одушевлением, весело, а последний куплет—с приплясыванием.

9. У быка, быка козловы сапоги,
 У быка, быка поскрипывали.
 Вот взяли быка за рога,
 Повели быка во горенку,
 Посадили на лавочку,
 Дали в руку балалаечку:
 «Ты играй, играй, Терентьюшка!».
 Разыгрался наш Терентьюшка:
 «Бондариха с бондарем, да с бондарем
 Потеряла три копейки с кошельем.
 Наша барыня к обедне шла,
 Три копейки с кошельем нашла».

Записано Л. Г. Мухамстановой в октябре 1974 г. в д. Карпушихе Невьянского р-на Свердловской обл. от П. Ф. Поповой, 53 лет. П. Ф. Попова эту песню переняла от матери, которая родилась в Шайтанке, жила в Шурале и Карпушихе.

10. — Мать моя, Маремьяна,
 Где ты была, ночевала?
 — Под мостом на лебушке.
 — Кого принесла?

— Жеребушку.
— Где жеребушка?
— Николай украл.
— Где Николка?
— В церкву упал.
— Где церква?
— Сгорела.
— Где вода?
— Быки выпили.
— Где быки?
— Загора ушли.
— Где гора?
— Черви выточили.
— Где черви?
— В тростник ушли.
— Где тростник?
— Девки выломали.
— Где девки?
— За мужья ушли.
— Где мужья?
— Все примерли.
А их могилки
Травой заросли.
— Где трава?
— Гуси выщипали.
— Где гуси?
— У попа в мешке
На самом доньшке.

Записано Е. Алексеевой в декабре 1974 г. в д. Большая Лая Пригородно-го р-на Свердловской обл. от Е. З. Зиминной, 70 лет.

Внешне песня напоминает повествовательное произведение, но записана она была с голоса. Что такое «лебушка», сама исполнительница не помнит — «не то мост, не то еще какое-то место». Возможно, это украинизм, так как Е. З. Зимина — переселенка из Черниговской губернии.

Вар.: В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX—начало XX в. М., 1971 (далее Крупянская, Полищук), с. 284—285, близкий. Наиболее существенным отличием является отсутствие в тексте, записанном А. П. Бондиным, концовки данной песни:

У попа в мешке
На самом доньшке.

В книге Крупянской, Полищук текст заканчивается прибауткой о неживой силе — огне.

11. Как у нашего соседа
Вот вчерась была беседа,
Распотешная, распотешная.
Вино пили, пили, пили,
Всем селом в утробу лили,
Наслаждались, наслаждались.
А когда перепились,
Врукопашную сошлись,
Раскуражились, раскуражились,
И не знали, что такое,
Мы попали в волостное.
Удивительно, удивительно.
А проснулись утром рано —
Прошлый день забыли спяна.
Уморительно, уморительно.
Только смотрим друг на дружку,
Тут мы вспомнили пирушку.
Восхитительно, восхитительно.

Записано В. Шабуровой в ноябре 1974 г. в пос. Лобва Новолялинского р-на Свердловской обл. от И. М. Иванова, 80 лет. И. М. Иванов—выходец из Рязанской губернии, переехал на Урал после Великой Октябрьской социалистической революции.

12. Ах вы горы, мои горы,
Горы каменные!
Глубоко легли,
Широко прошли (2 раза).
Чем богаты наши горы?
Золотой рудой,
Золотой рудой,
Рудой медною (2 раза).
Светла долюшка,
Жизнь вольная
С нашей партией,
С мудрым Лениным (2 раза).

Записано Н. Хлебалиной, С. Мокрушиной, Т. Стафеевой в июне 1976 г. в пос. Висим от Н. А. Огибениной, 73 лет.
Вар.: Китайник, № 81, с. 98, близкий.

Песни, в основу которых легли исторические события

1. Соловей кукушку уговаривал:
«Полетим, кукушка, в темные леса,
Полетим, кукушка, в темные леса,
Эх, мы сошьем, кукушка, себе гнездышко.
Мы сошьем, кукушка, себе гнездышко,
Эх, выведем, кукушка, двух детенышей.
Выведем, кукушка, двух детенышей,
Ох, тебе кокушонка, а мне соловья,

Тебе кокушонка, а мне соловья,
И эх, тебе для потехи, а мне для пенья».

Ох, раз мальчишка девку в Казань-город звал,
Раз мальчишка девку в Казань-город звал:
«Казань — город славный, при реке стоит,
Казань — город славный, при реке стоит».
«Ох, эта Дон-река же кровью протекла,
Эта Дон-река же кровью протекла,
Ох, маленькие детки — горючей слезой.
Врешь ты, мальчишка, ох, врешь, обманываешь,
Я сама казачка, в Казани выросла».

Записано Т. Лавровой, В. Березиной, И. Хайруллиной в июне 1976 г. в пос. Висим от Е. Ф. Ольховиковой, 78 лет.

Строка «Ох, маленькие детки — горючей слезой» была произнесена невнятно и не повторялась.

Вар.: Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен. В 4 ч. Спб., 1911—1913 (далее — Чулков), № 134, с. 423—424 — отличается более красочным описанием Казани (в первой части песни) и указанием на гибель многих воинов:

Лежат головы молодецкие,
Молодецкие, все солдатские.

Текст песни из сборника М. Д. Чулкова помещен в кн.: Русские исторические песни. М., 1970, с. 76—77. Сост. В. И. Игнатов.

Из уральских сборников возьмем для сравнения Китайника, № 1, с. 27—28; оказывается, здесь отличия те же, что и с текстом у Чулкова.

У висимских исполнительниц вместо речки Казанки упоминается река Дон, при невнятном произнесении строки они поспорили немного между собой, в конце песни не упомянули о гибели солдат и казаков, в начале песни не дали заманчивого описания «славного города» Казани. Видимо, в связи с отдаленностью исторических событий, которые легли в основу песни, многие детали первоначального варианта песни стали забываться, она, возможно, становится любовной песней. Среди многочисленных записей данный текст наиболее историчен. Чаще песня обрывается на предложении «вывести двух детенышей», на приглашении девушки в Казань или на уличении парня во лжи, исторические же детали опускаются.

2. Шумел, горел пожар московский,
Дым расстился по реке,
И на стенах, в дали кремлевской,
Сидел он в сером сюртуке.
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди,
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди.

И тихим голосом сознания
Он сам с собою говорил:
«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держал в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.
Войска, все собранные мною,
Погибнут здесь, среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребения гробов».

Записано Н. К. Лодусовой летом 1974 г. в г. Н. Тагиле от М. Д. Кудрявцевой, 68 лет.

Песня часто записывается студентами. Она представляет собой народную переработку стихотворения Н. С. Соколова «Он» (1850) о Наполеоне Бонапарте. См. кн.: Песни и романсы русских поэтов. Подготовка текста В. Е. Гусева. М.—Л., 1963, с. 681—682.

3. Старинная. Про ту германскую войну
(название дано исполнителем).

На возморе мы стояли,
На германском бережке,
На возморе мы смотрели,
Как волнуется волна.
И от моря туман поднялся,
И враг-германец похвалился
Русско войско победить.
И врешь ты, врешь ты, враг-германец,
Тебе неоткель зайти.
Что у русских войска много,
Русский любит угостить.
Угостить свинцовой пулей,
На закуску — стальной штык.
Штык стальной, четырехгранный,
Он насквозь вас пронзит.

Записано Н. Хлебалиной, С. Мокрушиной, Т. Стафесвой в июне 1976 г. в пос. Висим от М. Д. Кочневой, 75 лет.

Вар.: Китайник, № 11, с. 49—50, близкий.

4. Отец мой был природный пахарь,
И я работал вместе с ним.
На нас напали злые чехи,
Село родное подожгли.
Отца убили с первой нули,
А мать живу в костре сожгли.
Сестру родную в плен забрали,
А я остался сиротой.
Три дня, три ноченьки старался,

Сестру из плена выручал,
И на четверту темну ночьку
Сестру из плена я украл.
С сестрой мы в лодочку садились
И тихо плыли по реке,
И вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой.
Сестра из лодочки упала,
А я остался сиротой.
Я выйду на гору крутую,
Село родное посмотрю.
Горит село, горит родное,
И догорат отцовский дом.
Теперь остался сиротою,
Теперь я круглый сирота.

Записано Л. С. Сидоровой в январе 1975 г. в пос. Зырянском Алапаевского р-на Свердловской обл. от Е. Г. Белоус, 60 лет.

Е. Г. Белоус переняла песню от матери и запомнила её с детства, так как ее «тронула трагическая судьба сироты, его любовь к матери, отцу и сестре. В образе сироты народ воспел тяготы жизни во время нападения чехов». Это точное воспроизведение слов Екатерины Григорьевны по поводу исполненной песни.

Данный текст часто записывается студентами в разных концах Урала. По-видимому, в ней отразились события гражданской войны, а именно восстание белочехов и их репрессии по отношению к мирным жителям.

Вар.: Кругляшова, № 129, с. 162, близкий.
